

УДК 821.161.3-1:81'42:27-23

**СПЕЦИФИКА БИБЛЕЙСКИХ АЛЛЮЗИЙ В ЛИРИКЕ ТАМАРЫ
КРАСНОВОЙ-ГУСАЧЕНКО²**

А.А. Гладкова

*Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, anngrin@mail.ru*

В статье рассмотрено аллюзивное пространство лирики белорусской и русской поэтессы Тамары Красновой-Гусаченко на примере книги поэзии «Встреча» (2014). В частности, выявлен литературный диалог автора стихотворений с культурной христианской традицией. Широко представлены в лирике поэтессы аллюзии на библейские тексты, которые определяют смыслообразующий принцип поэзии Т. Красновой-Гусаченко.

Ключевые слова: аллюзия; лирический герой; лирический образ; диалог; мотив; стиль.

В современном литературоведении наблюдается особый интерес к проблеме интертекстуальности – способности текста вступать в диалог с другими текстами, образуя единое семиотическое пространство. В центре этого диалога, как правило, находится аллюзия – одна из наиболее значимых форм межтекстового взаимодействия. В отличие от прямой цитаты, аллюзия в художественном тексте не маркируется графически или синтаксически, она существует в пространстве ассоциации, требуя от читателя интеллектуальной подготовки. Актуальность исследования обусловлена следующими факторами: во-первых, аллюзия является ключевым механизмом порождения смысла в литературе модернизма и постмодернизма, где диалог с предшествующей традицией становится не только литературным

² Исследование выполнено в рамках реализации НИР «Сацыяльныя і ментальныя імплікацыі беларускага культурнага кода ў айчынным літаратуре XX-XXI стагоддзяў як спосаб захавання нацыянальнай ідэнтычнасці» (номер государственной регистрации 20260379 от 27.03.2026).

приёмом, но и способом мировидения, особенностью художественного мышления автора. Без распознавания аллюзий современные тексты теряют значительную часть своих смысловых уровней. Во-вторых, несмотря на давнюю традицию изучения аллюзии (от античных риторик до современных интертекстуальных теорий), до сих пор остаются дискуссионными вопросы её типологии, критериев выявления и методики анализа. В-третьих, аллюзия обладает высоким интерпретационным потенциалом, что делает её незаменимым инструментом анализа в работах, посвящённых поэтике отдельного автора, литературным влияниям, диалогу культур и рецепции классики. В этом смысле изучение аллюзивного пространства художественного произведения выходит за рамки строгого текстологического анализа и проникает в область культурной памяти и психологии творчества.

Литературоведческой проблемой остаётся отсутствие универсальной классификации аллюзий, учитывающей способ отсылки, объект, к которому совершается отсылка, функциональную нагрузку и адресата.

Как справедливо отмечает О. Галлиулина, ссылаясь на работы М. Бахтина, *«интертекстуальные вкрапления напрямую зависят от степени авторской эрудированности и его интерпретационных качеств»* [1, с. 144].

Объектом исследования стала книга избранной лирики «Встреча» (2014) Заслуженного деятеля культуры Республики Беларусь, члена союзов писателей Беларуси, Союзного государства, Союза российских писателей Тамары Красновой-Гусаченко, жизненный и творческий путь которой связан с Витебщиной.

Поэтической манере автора характерен доверительный диалог с читателем, искренность самовыражения, философская глубина тематики и в то же время художественная конкретность поэтического образа. Поэтессе интересуют проблемы смысла жизни, тайны творения мироздания, тема исторической памяти, связи с малой родиной, вопросы нравственного характера. Т. Краснова-Гусаченко обретает истоки вдохновения в неприметных, на первый взгляд, явлениях окружающего мира, лирическое пространство её стихотворений наполнено поэтизацией красоты родной земли, отчего дома, образа матери. В то же время лирика поэтессы полнится отсылками к классическим, хорошо известным читателю текстам, среди которых, в первую очередь, отметим библейские сюжеты, при этом автор обращается к истории Ветхого и Нового Заветов, демонстрирует глубокое знание священного писания. Так, в стихотворении «Плач Адама» поэтесса реконструирует времена изгнания Адама и Евы из Рая: *«О, как он плакал на заре / Слезами – первыми на свете, / О той утерянной земле, / О райских куцах...»* [2, с. 11]. Библейский сюжет, трактующий появление первых людей на Земле, для автора становится поводом для диалога с Творцом: *«Зачем же, Ты, Создавший Мир, / Отец, пустил в него коварство?»* [2, с. 11]. Риторический вопрос автора перерастает в размышление о неизбежности земных страданий, о звучащем плаче Адама в слезах *«горьких вдов и матерей»*, в плаче вера, забытых домов, плаче, растворённом в пространстве (персонификация *«плачет даль»*). К образу Адама и Евы поэтесса возвращается в стихотворении «Заболела душа...», где встречаем сравнение души, обретающей новую жизнь, с Адамом, который обрёл Еву, сотворённую из его ребра [2, с. 157].

По мотивам стихов псалмов 90 и 91 написаны стихотворения «Моя крепость» и «Мамина молитва». Мотив псалма 90 реализован в художественном образе лирического героя, стоящего лицом к лицу с толпой «злодеев и врагов», но не знает страха человек, хранимый Господом, уверовавший в него. Сравним:

Псалом 90	«Мамина молитва»
«На руках понесут тебя, / Да не преткнёшься о камень ногою твоею...» [3, с. 788].	«И пронесу тебя Я – на руках!» [2, с. 127].
Псалом 90	«Мамина молитва»
«Только смотреть будешь очами твоими / и видеть возмездие нечестивым...» [3, с. 789].	«Будешь смотреть, / Видеть глазами на всякой дороге / Всем нечестивым – возмездие Бога...» [2, с. 126].
Псалом 90	«Мамина молитва»
«Живущий под кровом Всевышнего / Под сенью Всемогущего покоится...» [3, с. 788].	«Живущим под кровом Всевышнего всем / Дана Всемогущего крепкая сень...»
Псалом 91	«Моя крепость»
«Как велики дела Твои, Господи! / дивно глубоко помышления Твои!...» [3, с. 789].	«Как велики дела Господни / Как помышления его непостижимы...» [2, с. 37].
Псалом 91	«Моя крепость»
«и рассыплются все делающие беззаконие...» [3, с. 789].	«Кто беззаконие творит – исчезнет...» [2, с. 37].

Отметим, что лейтмотив молитвы – один из самых частотных в лирике поэтессы. Так, он присутствует в стихотворениях «Мольба», «Мой Бог – моя бессмертная любовь», «Найти светлый храм...», «Радуница», «Покров», «Приходила, стояла, молчала...», «Страсти по маме», «У окна», «Когда молиться нам...», «Отпусти меня, боль, отпусти...», «Я в доброту на свете всех людей...» и других. Молитва – сокровенное обращение к Богу, момент близости к тайнам творения, саморефлексия, позволяющая лирической героине осмыслить пережитое и обрести душевный покой. Молитва матери глубоко личная, например, в стихотворении «Молитва» лирическая героиня просит Николая Чудотворца не оставить милостью душу рано ушедшего сына («молитву матери прими...»).

Христианские православные праздники также находят отражение в лирике Т. Красновой-Гусаченко (стихотворения «Успение», «Радуница», «Крещение», «Покров», «Рождественская ночь», «Христос Воскрес»). В стихотворении «Успение» Богородица обращается ко всем живущим с заветом «Возлюбленные, все вооружитесь / Вы – верой в Бога, Сына Моего... / Излейте боль в глубоком покаянье... / ...Христовых тайн / Спешите приобщиться... / О чистоте душевной вы пеки-тесь, / И облекитесь, веруя, в любовь» [2, с. 44]. Художественное пространство стихотворения концентрируется вокруг образа сияющего Успенского Храма – жемчужины культовой архитектуры Витебска.

Житейской мудростью наполнено стихотворение «Молитва», в котором лирическая героиня не простит у Бога здоровье, вечную жизнь, любовь, счастье или богатство. В молитвенном обращении звучит просьба послать разум, чтобы «всё, что дал, перенести» [2, с. 53]. Роно трагически ушёл из жизни сын поэтессы, боль от этой потери не затихает сквозь годы, поэтому обращение к христианским истокам – духовная опора для автора. Стихотворение «Радуница» наполнено особым смыслом, для Т. Красновой-Гусаченко этот праздник особый, в такой день её лирическая героиня, «настежь растворив живые раны», приходит в храм «любимых поминать». Фигура умолчания в третьем катрене семантически значимая: «И

в молитвы трепетной мгновенья, / Не отплакать мне, не отрыдать...» [2, с. 62] – живой отзвук пережитого и переживаемого снова и снова – горькой утраты, самой трудной для сердца матери.

Стихотворение «Христос Воскрес» передаёт праздничное настроение этого самого важного дня в христианском календаре. Воскресение Христа – символ победы над смертью – находит отражение в космическом образе Солнца, играющего, рассыпающего радость. В этот светлый день «утро воссияло», на природу направлен поток энергии, любви и тепла, света, радости и мая. Образ Вселенной персонафицирован, она уподоблена женщине, принимающей «всем лоном солнце». В этот день мир земной сопричастен миру небесному и связь эта отражается через колокольный звон, который в контексте произведения превращается в телеграммы, адресованные в поднебесье.

Лаконично, художественно интерпретирует поэтесса в стихотворении «Скрижали» 10 библейских заповедей, данных Моисею, согласно Пятикнижию, самим Богом. Текст начинается с вопроса, адресованного читателям: «Зачем нам с вами спорить и бороться?» [2, с. 96]. Строка задаёт один из ключевых лейтмотивов произведения: земная жизнь человека конечна, наступит момент, когда придётся держать ответ за сделанное («Все мысли будут тайные видны»). Вывод автора логичен и прост: не копи «яд слов и мыслей», «ведь просто всё», вспомни заповеди и живи по ним – таков, по мысли автора, единственный достойный путь земного бытия.

Сквозной темой поэзии Т. Красновой-Гусаченко можно назвать философию жизни и смерти (стихотворения «Вот и всё. И душа полетела...», «Когда уйду...», «Пока люблю...», «В саду», «Всей жизни сложнее – рождение и смерть...», «Душа не забывает боли...»). Автор понимает эти категории в свете христианской концепции: тело тленно, душа обретает вечную жизнь. В художественном пространстве переход от жизни земной к вечной транслируется через оппозицию *тьма – свет*: «Не бойся тьмы. / Там – вечный свет» [2, с. 184].

Библейская аллюзия может проявиться с помощью метафоризации. Например, в стихотворении «Никогда я тебя не забуду...» встречаем метафору индивидуально-авторскую «власяница разлуки», означающую разлуку болезненную, незабываемую, так как власяница – это грубая рубаха из волос или козьей шерсти, овечьего волоса или верблюжьей шерсти, которую носили христианские аскеты на голое тело для умерщвления плоти.

Особо отметим стихотворение «Любовь не перестанет никогда», написанное как вариация на известный отрывок из первого послания апостола Павла коринфянам «Любовь никогда не перестает...» [3, с. 1746]. Шесть катренов произведения – поэтическое обрамление канонического текста. Седьмой катрен подводит итог основному мотиву стихотворения: человека спасает в этом мире надежда и вера, но «больше всех на свете сил – любовь».

Анализ библейских аллюзий в избранной лирике Т. Красновой-Гусаченко позволяет говорить о глубоком, всестороннем знании автором библейских текстов. Поэтесса выбирает способ художественного обрамления канонических цитат, при этом возникают самостоятельные произведения, отражающие индивидуальный характер познания и понимания божественного. Для автора библейский текст – это основа основ земного бытия, опора в испытаниях, тяготах земного пути. Глубокая вера поэтессы актуализирует в её поэтическом мировидении самые тонкие духовные вибрации: микрокосм человека видится как часть макрокосма, создан-

ного Творцом. Библейские аллюзии в стихотворениях Т. Красновой-Гусаченко являются не только особенностью художественной манеры письма, они обогащают лирику, расширяя её смысловое поле, ещё раз подтверждая мысль в непреходящих духовных ценностях как основы земного бытия человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Галлиулина, О.Р. Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в англоязычной сетевой кинорецензии / Галлиулина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2024. – Т.30 – № 3. – С 142-151.
2. Краснова-Гусаченко, Т. Встреча : сборник поэзии / Т. Краснова-Гусаченко. – Мн., 2014. – 448 с.
3. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета / в русском переводе с приложениями. – Брюссель, 1989. – 2535 с.

SPECIFICITY OF BIBLICAL ALLUSIONS IN THE LYRICS OF TAMARA KRASNOVAYA-GUSACHENKO

A.A. Gladkova

*Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Republic of Belarus, anngrin@mail.ru*

The article examines the allusive space of the lyrics of the Belarusian and Russian poetess Tamara Krasnova-Gusachenko on the example of her book of poetry "Vstrecha" (2014). In particular, the literary dialogue of the author of the poems with the cultural Christian tradition is revealed. Allusions to biblical texts are widely represented in the poetess's lyrics, which determine the meaning-forming principle of T. Krasnova-Gusachenko's poetry.

Keywords: allusion; lyrical hero; lyrical image; dialogue; motif; style.